

Разработать доктрину образования — значит предложить национальную идею

Юрий КРУПНОВ, директор Института учебника “Пайдейя”,
главный редактор альманаха “Россия-2010”

Весь комплекс письменных замечаний к последнему варианту Национальной доктрины образования и сам текст доктрины позволяют нам, опираясь на эти документы, сделать ряд принципиальных суждений.

Во-первых, первый раз после создания “Концепции развития образования” коллективом ВНИКа Госкомитета СССР по образованию “Школа” в 1988 году на официальном федеральном уровне создан документ, публично, кратко (умещается в 10 страниц) представляющий доктринально-концептуальные тезисы, к которому можно относиться по существу.

Во-вторых, впервые с 1945 года представлена попытка всерьёз сформулировать долгосрочные цели образования и даже выйти на уровень образовательной политики и постановку проблемы статуса сферы образования.

В-третьих, в ходе работы над документом удалось собрать коллектив, представляющий очень разные мировоззренческие, политические, научно-профессиональные и практико-управленческие школы и позиции и сумевший выйти в режим консолидированной и ответственной работы.

В-четвёртых, документ носит исключительно ведомственный и закрытый характер. Цель документа, к великому сожалению, состоит не в том, чтобы организовать созидательные силы российского общества и мирового сообщества на развитие российского образования как всеобщего и первоначально необходимого дела, а в том, чтобы обосновать и даже оправдать с позиции образовательного ведомства свои претензии и даже оправдать с позиции образовательного ведомства свои претензии на “кусочек” бюджетного “пирога” (до безобразия тонкого и пресного в настоящее время и совершенно неопределённого в ближайшие 100 лет). Документ основывается на подспудной уверенности, что, мол, будем же мы когда-нибудь “жить по-человечески”, значит, и для образования место и процент в бюджете надо “застолбить”, иначе другие, более агрессивные и приткие ведомства, могут совсем “съесть” образовательные средства.

К сожалению, разработчики документа на деле исходили из истматовского постулата, что базис (=экономика) определяет надстройку (=образование) и что, следовательно, образование является не производителем общественно значимых ценностей и стоимости. Принятие такого постулата неизбежно означает одно: образование и вправду является “непроизводительной” сферой, финансировать и ресурсно обеспечивать её просто необходимо по так называемому “остаточному принципу” и статус “непроизводительной”, чуть ли не “паразитической” сферы, тем более в тяжёлые экономические времена, которые переживает Российская Федерация, никак не может быть выше самого низкого, который сегодня и возможно наблюдать, к примеру, у Министерства образования в Правительстве РФ.

Таким образом, вместо демонстрации духовно-нравственной и экономическо-финансовой мощности правильно организованного российского образования, вместо предложения ясного и честного ответа на вопрос: “Почему именно образование сегодня является последним ресурсом и шансом гибнущей страны, почему именно посредством правильно организованного образования страна может начать своё восстановление и развитие, почему именно образование является единственной, уникальной сферой всеобщности и универсальности, т.е. нужной абсолютно всем без исключения субъектам, собирающимся жить и жить достойно в России?” — вместо такого ответа образование выступило в качестве одной из “побирушек”, не сумевших вписаться в “рынок” 1991–1999 гг. А это значит, помимо прочего, что авторы данной версии доктрины не просто не смогли за-

дать эту сферу всеобщности, но ещё и чрезвычайно опасно “подставили” сферу образования России в целом под скорый “кинжальный огонь” наших “злых чеченов” от образования: “политиков” типа Э. Днепрова и А. Асмолова, “экономистов” типа Клячко.

В-пятых, авторы данной версии документа не сумели выдержать экзистенциальной правдоподобности своих предложений. В ситуации, когда армия развалена и продолжает разваливаться, промышленности как национальной системы больше в стране нет, когда Севера брошены, цены на продукты ежедневного пользования растут независимо от соответствия нашей новой национальной валюты — доллара — с нашей прошлой национальной валютой — рублём, количество сирот, беспризорных детей сопоставимо с количеством сирот в последние годы Великой Отечественной войны, а качество детства сопоставимо с качеством детства 1919–1921 гг., до мероприятий под руководством Ф.Э. Дзержинского — в этой ситуации авторам вдруг увиделся светлый коридор царского пути для того, что сегодня величаво называется “российским образованием”. Что ж, в этом смысле предлагаемая доктрина напоминает луч света в тёмном царстве... Вот только не хотелось бы, чтобы российское образование постигла, и очень скоро, судьба Катерины из классической пьесы Островского.

В чём же фундаментальная причина этой, безусловной, с нашей точки зрения, очень печальной и честной, неудачи высококвалифицированного и мудрого коллектива авторов доктрины?..

Как это ни странно — причина, с нашей точки зрения, в неумении правильно определить масштаб того дела, за которое авторы — огромное им за это спасибо! — взялись.

Создать сегодня доктрину образования — значит, в первую очередь, предложить обществу конкретную национальную идею с конкретными, доведёнными до технологии, действиями, а затем, “заманив”, как любил говорить А.В. Суворов, лучших российских граждан в пространство национальной идеи, сказать, что механизмом её реализации — поскольку её временные рамки от 15 до 50 лет — может быть только образование.

Вот здесь и возникает вопрос масштаба. Доктрина образования — это не частноведомственный документ, отражающий пожелания одного из (как минимум) десятка ведомств (а на деле — более 100). Доктрина образования — это определение единственного и главного “удара”, что сомасштабно, с одной стороны, работе Равноапостольских Кирилла и Мефодия перед принятием Христианства на Руси. Владимиром, или, с другой, совершенно другой стороны, “потешным полкам” перед преобразованиями Петра I, с третьей стороны, штабным работам Бонч-Бруевича и Преображенского как на основе индустриализации и коллективизации. Да мало ли было в российской тысячелетней истории таких “сторон”, абсолютно непохожих одна на другую! И определяющих очередной шаг возрождения российской государственности и её продвижения вперёд.

Чудес на свете не бывает. Бывает требуемая работа.